

«БУМЕРЫ» И «МИЛЛЕНИАЛЫ» В ЗЕРКАЛЕ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ПОВЕСТКИ СИБИРСКИХ ГОРОДОВ¹

Ю.А. Пустовойт

(pustovoit1963@gmail.com)

*Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС,
Новосибирск, Россия*

Цитирование: Пустовойт Ю.А. «Бумеры» и «миллениалы» в зеркале мобилизационной повестки сибирских городов // Власть и элиты. 2020. Т. 7, № 1. С. 163–182.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.6>

Аннотация. *Рассматривается авторское видение процесса смены политических поколений. Основываясь на теоретических положениях К. Мангейма и В. Радаева, автор приводит категориальный аппарат и первые результаты исследования, направленного на проверку гипотезы о существовании межпоколенного «разлома». На основе сравнения хода избирательной кампании, способов и форм продвижения своих идей и высказываний кандидатов в депутаты горсовета в г. Новосибирске, представляющих различные партии и объединения, делается предварительный вывод о росте влияния поколенческой составляющей на электоральные процессы. «Миллениалы», получившие политическую социализацию в относительно экономически благополучные годы, меньше используют идеологическую риторику, лучше работают с каналами цифровой коммуникации, точнее артикулируют и транслируют сильные эмоции, что в целом дает возможность эффективнее формировать новые политические сообщества и объединения.*

Ключевые слова: *поколения, «бумеры», «миллениалы», города, мобилизационная повестка, городской режим, идентичность, Сибирь.*

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта «Интернет как комсомол. “Бумеры” и “миллениалы”: особенности конструирования, обсуждения и реализации мобилизационной повестки (опыт сравнительного анализа формирования политической идентичности в сибирских городах)» № 20-011-31355 опн.

В последнее время проблемы взаимодействия поколений регулярно попадают в фокус внимания популярных медиа, что находит свое отражение в росте числа обсуждений психологических характеристик, социальных обязательств и перспектив (бесперспективности) работников и граждан, определяемых как «бумеры», «миллениалы», «иксы», «игрики», «зеты» и т.д. Масштабы различных высказываний и комментариев в этой области при такой динамике скоро вытеснят привычные гороскопы. Наша работа ни в коей мере не составляет конкуренцию текстам, артикулирующих идею, что год рождения и поколенческая идентификация позволяют описать и понять основы индивидуального мировоззрения, различные психоэмоциональные характеристики и вытекающие из них степени социальной и политической активности. Тем не менее есть комплекс обстоятельств, который позволяет считать исследовательские работы в поколенческом направлении перспективными. Действующая в настоящий момент элита получила привилегированные позиции в ходе сложных социально-экономических процессов 1990-х годов в относительно молодом возрасте и удерживает их до сих пор. Успехи геронтологии впечатляют, но в массовом масштабе сомнительны. Это означает, что в течение ближайших 20 лет произойдет замещение ключевых фигур в основных институтах власти. Учитывая слабость институциональных рамок и возможность проведения и официального оформления практически любой инициативы, исходящей от официальной власти, изучение персональных и групповых интересов и ценностей «новых людей», хлопочущих о своем месте в «старых мехах», приобретает некоторое прогностическое значение.

Как принадлежность к поколениям влияет на политические взгляды индивида и определяет избираемый им диапазон целей и средств в политике? Есть ли различия в нормах политического взаимодействия между политиками, чья юность пришлась на годы «застоя» и «нулевые»? Формируется ли специфическая поколенческая идентичность, более значимая для индивида, чем идеологическая, при принятии политических решений?

Этот достаточно широкий круг вопросов мы очертили в начале исследования, выбрав в качестве эмпирической базой сибирские города, которые рассматриваются нами как «естественные лаборатории». С одной стороны, происходящее здесь выступает отражением политических процессов на федеральном уровне, с другой — присутствует собственная локальная специфика, связанная со структурой экономики, уровнем

комфорта и потребления, перспективами для молодежи, властными группами и протестной активностью населения [Пустовойт 2020: 122–130]. Одним из стимулов для продолжения работы в этом направлении были некоторые наблюдения и выводы из предыдущего исследования, в частности, как показано в приведенном фрагменте, непонимания и конфликтов между молодыми и зрелыми коммунистами:

Когда мы пришли к ним разбираться... по поводу точечной застройки... они любят так посидеть, поговорить обо всем, о мировой политике, как бы о временах... Вот там на одном из мероприятий, когда наши страсти опять поднялись, один из лидеров этих товарищей, он бросил нам упрек в том, что мы сюда приходим душой отдохнуть на собрании... то есть и все для них это как клуб по интересам... это... сборы по памятным датам, просто 1 мая, обязательно 9 мая, как просто... 1... 9... 22 июня нет... ещё 3 октября 3, 4, 5... это годовщина расстрела Белого дома, а то есть это для них событие... (из интервью лидера протестного объединения одного из сибирских городов).

Близкие суждения встречались в других, иных по идеологии и организации объединениях, что заставляло нас относиться к возрастному опыту и переживаниям респондента более внимательно. В качестве общей методологии мы ориентируемся на микст из количественных и качественных подходов, что означает одновременное традиционное движение «сверху вниз» от концептов к их проверке на эмпирическом материале и подъема «снизу вверх» от эмпирических данных (интервью, бесед, письменных текстов) к теоретизированию. Этот подход, содержательно близкий к методу «обоснованной теории» [Страусс, Корбин 2001], требует не только регулярного и одновременного сбора и анализа данных, но и их поэтапного обсуждения в рабочих группах и семинарах.

Рассмотрим концептуальные основания нашей работы, определим основные понятия и в предложенной оптике проведем анализ данных о ходе и результатах избирательной кампании в городе Новосибирске летом и осенью 2020 г. Выбор Новосибирска обусловлен тем, что здесь, как и в соседнем Томске, несистемная оппозиция, организационным ядром которой выступали местные штабы Навального, добилась на выборах 13 сентября существенных успехов. Кроме побед кандидатов, еще на шести участках разрыв оказался менее 300 голосов. В Томске «Умное голосование» принесло победу 19 кандидатам из 27 [Выборы в Сибире...]. В настоящий момент результаты голосований в горсоветах по актуальным городским проблемам подтверждают верность оппозиционных избранников данным избирателям обещаниям.

Цель исследования — на основе сравнения проверить гипотезу о существовании межпоколенного «разлома», выраженного в отсутствии общей мобилизационной повестки (набора актуальных проблем, ценностей, целей, норм и ресурсов) в поколениях «бумеров» и «миллениалов». Советские и постсоветские условия политической социализации определили различающиеся между собой типы политической идентичности, что находит отражение в несовпадающих политических дискурсах и каналах коммуникации. Считаем, что прежде всего эти «расколы» начнут проявляться в ходе и в результатах избирательных кампаний, дающих возможность различным группам и объединениям предлагать собственные наборы актуальных проблем и способы их разрешения электорату.

Ядром исследования выступают три концепта: поколение, электоральная повестка и политическая идентичность. Приоритет введения понятия «поколение» принадлежит К. Мангейму, определяющему этот социальный феномен через категорию «местоположения», сопоставимого с классовым положением, что означает отличие от привычного отождествления с членством в группе или организации и «объективность» этого факта вне зависимости от признания такого статуса самим индивидом. «По-настоящему войти в группу — это значит нечто большее, нежели просто разделять характерные для нее взгляды, ибо, кроме того, подразумевается способность смотреть на вещи под тем же углом зрения, наделять понятия особенными для этой группы смысловыми нюансами, испытывать психологические и интеллектуальные импульсы в характерной для этой группы конфигурации... Просто общее “местоположение” в поколении важно всего-навсего в потенции, поколение же как реальность составляется, когда сходным образом “расположенные” современники разделяют общую судьбу, а также идеи и концепции, которые каким-то образом с ней связаны» [Мангейм 1998: 40–41].

Отмечается важность общих переживаний событий, значение опыта, полученного в молодости, и особые способы восприятия и поведенческие практики, отличающие одно поколение от других. «Молодежь ни прогрессивна, ни консервативна по своей природе, она — потенция, готовая к любому начинанию... С моей точки зрения, это позиция аутсайдера — гораздо более важный фактор, определяющий открытость и склонность к изменениям, чем биологическое созревание... она совпадает с позицией других групп и индивидов, по другим причинам оказавшихся на краю общества, таких как угнетенные классы, люди свободных профессий — поэты, артисты и т.д. Эта позиция аутсайдера

представляет собой, конечно, лишь возможность, которую правящие круги могут либо подавить, либо мобилизовать и интегрировать в движение» [Мангейм 1994: 445–446].

Разумеется, близость переживаний автоматически не ведет к одинаковому поведению, так же как принадлежность к одному социальному классу полностью не определяет мировоззрение (здесь уместно вспомнить идею П. Бурдьё о габитусе как чувстве места), тем не менее концептуальные идеи, высказанные К. Мангеймом, получили свое развитие. Остановимся на выводах В. Радаева, подход которого взят нами за основу. Он считает, «что в 2000-е годы мы пережили социальный перелом, последствия которого будем ощущать долгие годы. В отличие от 1990-х годов, этот перелом в России не связан непосредственно с радикальными политическими или экономическими преобразованиями, напротив, он происходил в отсутствие серьезных реформ, в период стабилизации и был вызван скорее сменой поколений — приходом более молодых людей с другими поведенческими практиками и способами восприятия происходящих событий» [Радаев 2020: 29]. Этот переход не столько привычный конфликт «отцы и дети», сколько разрыв коммуникаций между старшими и младшими, отсутствие самого повода для дискуссии, означающие жизнь в параллельных мирах [Радаев 2020: 180].

Из выделенных приведенных автором пяти поколений нас больше всего интересует последнее советское «поколение застоя» (года рождения 1947–1967, года взросления 1964–1984), которое в западной литературе определяется как поколение «беби-бумеров» (Straus, Howe, Brosdahl, Carpenter) и российское поколение «миллениалов» (иногда называемое еще поколением Y), родившихся в 1982–2000 гг. и социализирующихся в относительно благополучный период 2000–2016 гг. [Радаев 2020: 49]. Итак, под поколением мы понимаем людей близкого возраста (обычно границы здесь расплывчатые, но, как правило, общий диапазон 15–20 лет), обладающих сходными комплексами установок (габитусами) в силу проживания одних и тех же исторических событий в период взросления (18–35 лет). Концепт поколения не заменяет привычные социологические категории, связанные с классовой позицией, образованием, этнической принадлежностью, но обладает хорошей эвристической перспективой при интерпретации и объяснении конкурентных преимуществ тех или иных социальных групп в ходе социальных изменений.

Следующим понятием нашего исследования выступает «мобилизационная повестка» — комплекс публичных печатных и аудиовизуальных высказываний, содержащий аргументированный перечень актуальных проблем и способов их разрешения, имеющий целью установление контроля политического сообщества над значимыми ресурсами (бюджетом, назначениями, доступом к СМИ). Содержательно мобилизационная повестка включает в себя перечень проблем, оценки, способы и ресурсы для их разрешения, аргументацию (логическую, пафосную и этическую). Она служит одновременно стимулом и своеобразной картой действия для индивидов, групп и объединений. Здесь мы опираемся на хорошо известный комплекс теорий, связанный с именами М. Макоббса и Д. Шоу (*agenda-setting theory*), и выводами, сделанными на основе этих работ, ставящими в фокус внимания соотношения политической и медиаповесток, личных и групповых приоритетов. Результаты российских исследований, работающих с этим теоретическим аппаратом, в целом совпадают с основными выводами американских ученых, повестка дня не является сознательным волевым актом, она возникает на пересечении усилий различных СМИ, государства, групп интересов и подвержена ситуационным воздействиям.

Медиаэффекты построены не столько на убеждении и переубеждении, сколько на привлечении внимания к той или иной области проблем, определяя «не что думать, а о чем думать» [Дьякова 2003: 117]. Понятие «мобилизационная повестка» содержательно уже, чем «политическая повестка», понимаемая вслед за К. Стоуном как программа действий ключевых акторов, держателей основных ресурсов, набор их скоординированных целей и ценностей и результат долгосрочных неформальных договоренностей по поводу решения актуальных проблем [Ледяев, 2012: 73–83]. Политическая повестка представляет собой определенный итог политической борьбы и означает относительно стабильный комплекс норм, на основе которых формируется состав властной коалиции и проводимый ею политический курс (*policy*), а мобилизационная — относится к сфере политической борьбы, завоевания и удержания власти (*politis*).

Понятие «мобилизации» заимствовано из работы Ч. Тилли, который рассматривает ее как процесс получения группового контроля над ресурсами, необходимыми для действия (рабочей силой, товарами, голосами). Это один из основных компонентов коллективного, что означает, что получаемые ресурсы используются для реализации общих

интересов и не находятся под индивидуальным контролем. «Анализ мобилизации сосредоточен на способах, которыми группа получает ресурсы и делает их доступными для коллективных действий» [Тилли 2019: 21]. С одной стороны, голоса избирателей на выборах означают для кандидата получение депутатского статуса, расширение его персональных возможностей, с другой — его победа является итогом коллективных усилий и ответственности перед различными группами и объединениями, что и делает его агентом коллективного действия. Первым шагом мобилизации становится артикуляция именно тех проблем, которые наибольший круг избирателей узнает как свои, оценивая их своевременность и приемлемость применяемых способов решения. В условиях полиэтничности, классовой неопределенности, невозможности донесения сложных идей до среднеобразованной аудитории улавливание и реконструкция проблем поколения, высказанных его языком и через привычные каналы коммуникации, гипотетически даст необходимый мобилизационный эффект и станет основой не только разового голосования, но и, возможно, политического сообщества с присущей ему степенью политической идентичности.

Последняя понимается нами вслед за Дж. Голдстоуном как чувство привязанности и преданности группе, основанное на совместных эмоциях, ожиданиях благ и отношений с другими участниками, прежде всего с государством, способным объявить сообщество врагом [Голдстоун 2006: 74–76]. Совместные переживания и эмоции служат для нас ключом к пониманию процессов конструирования идентичности. Для их описания и реконструкции мы опираемся на идеи и подходы Арли Рассел Хокшилд. В своих работах она синтезирует органические и интеракционные традиции (Дарвина, Фрейда и Гофмана) и выводит из них постулат, согласно которому наличие биологического чувства («непроницаемого ядра») связано с групповыми правилами и ожиданиями других. Гнев, считает Хокшилд, — это три фокуса внимания: первичный («Ты меня ударил»), вторичный («есть расхождение между “хочу” и “есть”» — фрустрация) и последующее отношение между мною и казуальным агентом («Я сильнее и могу сам напасть»). Назвать чувство означает назвать объект фокусировки на чем-то происходящем во внутреннем и внешнем мире человека. Любить — это значит сосредоточить внимание на тех желаемых качествах человека или вещи, которыми он обладает, и подчеркнуть близость социальной дистанции.

Сложносоставные эмоции — это серийные восприятия, названия которых соответствуют пять категорий перцептивного фокуса: (1) то,

что я хочу, (2) то состояние, в котором я сейчас нахожусь, (3) то, что я одобряю или не одобряю, (4) предполагаемый казуальный агент, (5) мое отношение к этому казуальному агенту. Каждая эмоция имеет две основные точки фокуса и иногда периферийный фокус [Хокшилд 2020: 338–340]. Таким образом, опираясь на положения американского социолога, мы можем на основе высказываний и печатных и видеоматериалов участников избирательных кампаний выделить (обозначить) доминирующую эмоцию, что в комплексе с артикулированными интересами и «образом врага» даст нам представления о формируемых на этой основе сообществах.

Рассмотрим в предложенной оптике электоральную повестку основных участников избирательной кампании в горсовет Новосибирска в 2020 г. Новосибирск представляет собой сравнительно благополучный сибирский город с населением более 1,5 млн человек, без явно выраженной промышленной составляющей, с развитым постиндустриальным сектором и достаточно приличным уровнем ВВП. В избранном в 2015 г. Совете депутатов 33 человека входили в депутатское объединение «Единая Россия», 12 — КПРФ, 2 — ЛДПР, 1 — «Справедливая Россия», 2 — самовыдвиженцы. В 2020 г. в результате голосования «Единая Россия» провела 23 кандидатуры (из 47 выдвинутых), КПРФ — 8 (из 35), ЛДПР — 5 (из 47), «Коалиция Новосибирск 2020» — 4 депутата (из 31). Поддержка коалиции через проект «Умное голосование» обеспечил победу 14 кандидатам. В среднем явка была невысокой, около 20 %. «Коалиция Новосибирск 2020» была организована несистемными оппозиционными политиками различных идеологических взглядов г. Новосибирска вокруг штаба Навального [Смотришь на город и бесишься... 2020].

Победа, по нашим наблюдениям, представляет собой «ожидаемую неожиданность» и интересна именно тем, что ее участники, ориентированные на различные по ценностным ориентациям, жизненному опыту, персональным возможностям и способностям ценности, смогли объединиться, согласовать свои интересы и добиться определенного результата. Предполагаем, что именно поколенческая идентичность, «миллиальность», сыграла в этом случае определяющую роль. Это не значит, что за них голосовали представители только их поколений, напротив, состав голосовавших был, по нашим наблюдениям, скорее традиционный — люди более старшего возраста. Привлечь молодежь на избирательные участки не удалось. Скорее получилось немного

сместить фокус электорально-активной аудитории так, что число их сторонников расширилось и пришедшие голосовали за них, а противников, напротив, уменьшилось: их аудитория проигнорировала выборы. Итоги выборов показывают, что последнее советское поколение исчезает из городской политики. Из победителей всего 5 «бумеров» (выдвинуто кандидатами 40), из них 4 — «ЕР», 1 — «Родина». Поколение реформ, первое российское поколение — 106 кандидатов, прошло 25 человек, из них 16 — «ЕР», 4 — ЛДПР, 2 — КПРФ, 3 — «Коалиция 2020» и ее союзники. Поколение «миллениалов», выдвинувшее сопоставимое число кандидатов (109), представлено в горсовете 20 депутатами («ЕР» — 7, КПРФ — 6, ЛДПР — 1, коалиция — 5).

В силу эпидемиологической ситуации уличная работа велась кандидатами минимально. Для анализа электоральной активности мы пользовались двумя сервисами — Google Trends и IQBuzz. Первый позволил нам сопоставлять и сравнивать число запросов по поисковым фразам, что косвенно показывает интерес к темам, людям и сообщениям, второй — сервис мониторинга социальных медиа и онлайн СМИ — дает возможность не только определять количество сообщений, но и автоматически подсчитывать негативные и позитивные оценки, сравнивать их между собой по охвату, «лайкам», перепостам.

«Коалиция Новосибирск 2020» с 16 июля по 16 октября имела 11 пиков популярности (около 50 условных единиц от максимального принимаемого 100) и три пика (около 100) условных единиц 4, 10 и 13 сентября — в день голосования. Для сравнения, за этот период КПРФ — 5 пиков (50 единиц), 13 сентября — 64 единицы и 24 сентября — 88 единиц (выступление А. Локтя), «Единая Россия» — один пик 12 августа (50 единиц), ЛДПР — 5 пиков в сентябре (около 50 единиц). Таким образом мы видим, что интерес к «Коалиции 2020» поддерживался на протяжении всего периода избирательной кампании, что, скорее всего, стало результатом регулярно создаваемых ее членами информационных поводов и тиражирования своей повестки в городских, региональных и федеральных СМИ. Если персонально посмотреть запросы в поисковой системе, то за 90 дней запрос «Сергей Бойко» — 4 пика популярности, от 75 до 95 единиц, Алексей Джулай (один из лидеров «ЕР», герой расследования А. Навального, вышедшего 31 августа) — 4 пика (от 77 до 100), нет поисковой активности в отношении Рената Сулейманова и Евгения Лебедева (популярных кандидатов от КПРФ и ЛДПР). Отраженная в интернет-среде активность кандидатов здесь

выступает определенным маркером интереса к их повестке в наиболее «цифровизированной» аудитории. Число запросов и обсуждений показывает, насколько провозглашаемые ими идеи созвучны взглядам самых разных социальных, возрастных и этнических групп, часть из которых принимает участие в поиске информации и обсуждении политических персон и объединений.

Сервис IQBuzz дает возможность просмотреть более сложную картину оценок и комментариев не только в официальных СМИ, но и в социальных сетях. Рассмотрим один из самых интересных в нашем случае кейсов — противостояние между лидером «Коалиции 2020» Сергеем Бойко (руководителем штаба Навального) и вице-спикером горсовета Ренатом Сулеймановым (КПРФ). Оно закончилось победой первого 13 сентября с перевесом 4 %. За последние 30 дней (дата сбора информации — 14 октября) запрос «Сергей Бойко» (учтем, что в поисковик в качестве ключевых слов входили также понятия «Умное голосование», «Навальный» и т. д.) более 5000 сообщений (лимит сервиса 5000), из которых система определила 495 негативных, 22 нейтральных и 699 позитивных. Наибольшее количество контрастных оценок (позитивных и негативных) дает мужская аудитория в возрасте от 26 до 35 лет, вторая по объему включает авторов от 35 до 45, на ресурсах «ВК» и «Одноклассники». Пики дискуссий приходятся на дни голосования. «Ренат Сулейманов» (и сопутствующий набор ключевых слов) набрал около 2500 упоминаний с небольшим количеством и негатива, и позитива (1–2). Здесь в основном нейтральные оценки, преимущественно мужские (69 %), и в тех же самых возрастных категориях в сети «ВК». В целом анализ частоты упоминаний по обоим сервисам еще раз подтверждает, что для победы кандидата канал и частота обращений имеют определяющее значение, быть в фокусе внимания важнее, чем обладать опытом и репутацией, частота появления и выступления на разных площадках позволяют увеличить шансы на успех даже в достаточно стабильных электоральных округах.

Перейдем к содержанию материалов и рассмотрим «Меморандум коалиции» [Коалиция Новосибирск 2020... 2020]. Документ расположен на сайте коалиции рядом с программой коалиции (9 пунктов, изложенных как проблема — причина — решение, по содержанию: от бесплатного общественного транспорта до прозрачности в финансировании сферы образования) и обязательствами членов коалиции (здесь рассмотрены вопросы этики построения отношений между членами коа-

лиции, мэрией и горожанами). Меморандум содержит две страницы текста, 13 абзацев и заканчивается призывом к объединению и изменению жизни Новосибирска к лучшему. Главная проблема ставится как политическая — альянс «Единой России» и КПРФ, и из заключения этого союза выводятся все остальные беды и невзгоды города: произвол в застройке, неэффективность управления, что приведет к превращению Новосибирска в провинциальную дыру. В качестве средства решения проблем предлагается усиление позиций горсовета, за что должны проголосовать неравнодушные, обманутые и честные жители. В рамках аристотелевской структуры аргументации мы определим ее как «пафосную», что можно подтвердить количеством эмоциональных и оценочных суждений, отражающих чувства: угрозы и обещания (печальный символ, незавидная судьба, безвольный орган и т.д.). Эмоциональная выразительность — гнев, фокус внимания сосредоточен на расхождении между желаемым и имеющимся, причем внимание сконцентрировано на причине, на «другом» (противнике), который оценивается как источник неудовлетворенности и обозначается в системе отношений скорее как «враг», с которым необходимо вступить в конфликт. Здесь и далее описание эмоций соответствует таблицам, приведенным в работе А. Хокшилд [Хокшилд 2020: 351].

КПРФ («Десять шагов достойной жизни», «Новосибирску — динамичное развитие»). Кандидаты от партии в своих выступлениях и обращениях делали акцент на трех составляющих программы: рост числа, благосостояния жителей, промышленности и социальной поддержки в г. Новосибирске, ставшие возможными благодаря А. Локтю, мэру-коммунисту; борьба с системным кризисом капитализма, порожденно-го либеральным курсом и его последствиями: гибелью медицины, села и транспорта; обещания направить усилия на развитие культуры, физкультуры и села. Организационно КПРФ на этих выборах создала «Единый фронт левых и патриотических сил», в который вошли руководители различных ветеранских объединений. Как правило, информационные материалы КПРФ распространяются в печатном виде. Интернет-ресурсы и социальные сети использовали только молодые коммунисты — кандидаты в депутаты. Газеты и листовки традиционно выдержаны в черно-красных тонах. Здесь тот же гнев, но одновременно присутствует и утрата («я до сих пор люблю то, что было и чего нет»), и тревога («мне не нравится то, что есть, я хочу исправить, но не могу»), страх («я вижу источник угрозы»). Суждения построены

не как комплекс предложений по решению проблемы, а как калейдоскоп уничтожающих оценок. Например, в отношении себя: «партия, выражающая интересы всего народа», «на деле выступающая против повышения пенсионного возраста», «активная борьба с “ЕР” на парламентских баррикадах», «оружие, избиения, зачистки — КПРФ не боится». В отношении политических противников: «“ЕР” — партия исчезающей власти», «партии-обманки» («За правду»), «политико-коммерческие проекты» (ЛДПР), «приверженцы либерального майдана» (штаб Навального). В целом стиль изложения и лексика напоминают боевой листок советских времен [За народную власть... 2020].

ЛДПР («Программа ЛДПР. Совет депутатов г. Новосибирска — 2020»). Программа ЛДПР состоит из пяти пунктов, в которых перечислены основные решения по благоустройству города, бюджету, инфраструктуре, развитию частного сектора, ЖКХ. Никаких эмоций и цифр. «Принятие», «ревизия», «выделение», «контроль». Нет глаголов (отличительная черта советской печати), нет проблем (видимо, подразумевается, что читающий их знает). По нашим наблюдениям, недостаток эмоций в партийной печати компенсировался личным обаянием и активностью депутатов на встречах с общественностью [ЛДПР 2020].

Мобилизационные повестки «Единой России» («Партия заботы и уважения: 7 приоритетов») представляет собой набор предложений и инициатив, поданных в формате «комфортная среда — качество жизни», «главное — человек», «эффективная экономика — благосостояние жителей», «власть — народу», «Новосибирск — локомотив развития области», «здоровье людей — высшая ценность» и «партнерство и взаимодействие». Все те же безглагольные предложения, разбавленные выверенными цитатами губернатора А. Травникова и депутата Госдумы А. Карелина: «Я считаю, что мои коллеги очень хорошо и качественно поработали. Документ получился реально рабочий. Ценность его — в семи приоритетах программы. Главный из них отражает объединяющую роль регионального отделения партии в том, что мы — действительно самая большая и сильная общественно-политическая организация. Поэтому к нам тянутся люди, общественники, активисты, руководители разных уровней. Мы стараемся поддержать все проекты и инициативы, которые направлены на улучшение жизни людей». «В этом уникальном проекте все построено на искренней заинтересованности и добрососедстве. А это шаги к дальнейшему расчетливому рассудительному сотрудничеству общества и власти, взаимодействию,

которое выходит далеко за рамки избирательных кампаний и имеет хорошие перспективы на продолжение, появление новых полезных для общества проектов и инициатив» [Семь приоритетов развития... 2020]. Доминирующая эмоция — любовь, симпатия (в таблицах А. Хохшильд этим словом описывается слияние «хочу» и «имею») в мобилизационных текстах для широкой аудитории, проблем вообще нет, есть некие хорошие сильные люди, которые сделают уже неплохую жизнь еще лучше. Аргументация пафосная.

Во время конфликта любовь исчезает. Как исследователям нам повезло, так как борьба поколений и программ получила свое эмпирическое подтверждение. На этих выборах при подсчете итогов голосования по 35 округу, где еще утром выигрывал Вячеслав Якименко (2001 г.р., студент, Коалиция Новосибирск 2020), уже днем обнаружилось, что, после того как были подсчитаны голоса прикрепленных курсантов института Нацгвардии, победил депутат «ЕР» Евгений Яковенко (1969 г.р., герой расследования А. Навального, зам председателя горсовета, ветеран). Здесь не так интересен сам случай пересчета (хотя, заметим, подобная манипуляция с голосами вскрыта и получила огласку в Новосибирске впервые), как способы его разрешения. Обращение вице-мэра, размещенное на его странице в «ВКонтакте» в отношении политических оппонентов, содержало следующие эпитеты, характеристики и призывы: «представители пятой колонны», «обилие иностранных журналистов (кружили, собирали, коверкали информацию)», «этот оппортунист Бойко — изменник Родины», «сохранить целостность нашего государства, Сибири-матушки» [Евгений Яковенко: в горсовет пробрались оппортунист и пятая колонна... 2020]. Новое поколение отвечало на это судом, статьями в прессе, одиночными пикетами. Несмотря на то что серьезные сомнения и по персоне, и бизнесу победителя, и по итогам голосования остались, молодость проиграла [Связи с ОПС, рынки и спрут... 2020].

Подведем итоги исследования. Удалось ли нам обнаружить различия в нормах политического взаимодействия между политиками — «миллениалами» и «бумерами» и если они есть, то как можно их объяснить, как эти различия будут определять последующий политический дизайн и каковы дальнейшие перспективы исследования в выбранной нами области проблем. Да, на наш взгляд, даже на достаточно ограниченном материале можно увидеть некоторые закономерности, которые в оптике теории поколений позволят в перспективе выделять основные тенденции современного политического процесса.

Новое политическое поколение «миллениалов» в крупном сибирском городе активно стремится участвовать в политике. Именно из них состоят штабы большинства оппозиционных партий и объединений. Число кандидатов молодого возраста, зарегистрированных на этих выборах по всем спискам, на четверть выше, чем близкого, но более старшего поколения реформ. Они не особенно стремятся соотнести свою позицию с какими-то идеологическими догматами или указаниями партийного руководства и часто проявляют самостоятельность, вступая во внутрипартийные конфликты, особенно когда дело касается заключения каких-либо тактических и стратегических союзов, организации митингов и протестов. Мобилизационная повестка представляет собой сочетание общефедеральных и местных проблем. На этих выборах «Коалиции 2020» и ее союзникам удалось связать общефедеральную антиэлитарную повестку (коррупция, несправедливость и как их последствия бедность населения) и специфические городские проблемы: транспорт, пыль и грязь. Это ослабило позиции КПРФ, так как, с одной стороны, программные документы партии требовали оппозиционности, с другой — ответственность за состояние города ложилась уже на нее. При наличии мэра-коммуниста сложно отрицать договоренности с ключевыми политическими и экономическими субъектами — политическими оппонентами. Отметим, что молодые коммунисты («миллениалы») сумели добиться большего успеха. Значимым элементом объединения и консолидации на этих выборах был комплекс тем, построенных вокруг понятий «честность» и «справедливость».

Гнев и пафос преобладают в мобилизационной повестке «миллениалов». По нашим наблюдениям и интервью, у молодых политиков практически отсутствует страх. Представители старших возрастных групп больше внимания и времени уделяют опасностям и проблемам, связанным с властью чиновников-силовики, алчностью и не-контролируемостью бизнесменов, ужасам национализма (почему-то в качестве эталона последнего выступает Украина, и фраза «я не хочу как...» регулярно повторяется в «бумерских» интервью). Ими сравнительно меньше в дискуссиях используется «образ врага» с соответствующим набором ярлыков. «Миллениалы» чаще озвучивают этические проблемы взаимодействия с людьми, не разделяющими их политических взглядов и ценностей.

«Миллениалы» отлично взаимодействуют с визуальной и цифровой средой. Подбор цветовых решений, операторская работа, ритм сообщений обычно у них на более высоком профессиональном уровне. Они

проводят сетевые дискуссии, размещают материалы на всех возможных платформах, органично взаимодействуют со СМИ и лидерами блогосферы, у них налажен обмен информацией и сетевые способы сбора средств. Они лучше работают с технологиями вовлечения, достаточно хорошо контролируют как символическую среду, так и митинги и улицу.

Насколько эти тенденции связаны именно с поколенческим фактором, а не со спецификой города, политической программой, типом лидерства, фигурой конкретного лидера и какая вероятность, что выделенные здесь тенденции действительно существуют, а не сконструированы автором? Вопрос остается открытым. Как и вопросы решения классовых, статусных, организационных проблем внутри одной возрастной группы. Отдельный повод для рефлексии представляет проблема, которую обозначим как «миллениумы и демократия» и на которую нет очевидного ответа. Необходимо собрать дополнительные данные, сопоставив между собой мнения представителей разных политических поколений в различных сибирских городах, относящих себя к разным идеологическим партиям и объединениям. Предложим модель объяснения политических межпоколенных различий.

Если взять за основу общий сложившийся бэкграунд поколений, то детство «бумеров» приходилось на 1950–1960-е годы, обычно в литературе означаемые как «оттепель», пропитанные, судя по солидному корпусу исторических материалов, книгам, кино и публицистике, социальным оптимизмом, вере в строительство социализма с «человеческим» лицом. Их юность конца 1960-х годов приходится на период позднего социализма, «застоя», и взаимоотношения большинства субъектов строятся на основе практик, удачно названных А. Юрчаком практиками «вне». Они означают некоторое «особое состояние субъекта по отношению к политической системе, при котором он продолжает жить *внутри системы*, но становится для нее как бы *невидимым*, оказываясь *вне* ее поля зрения. Это состояние отличается и от поддержки системы, и от сопротивления ей» (курсив автора) [Юрчак 2014: 264]. Комфортное старение советской власти обеспечивалось, с одной стороны, партийным руководством, прекратившим и пресекавшим любые идеологические споры и дискуссии в молодежной среде через контроль повестки и формального протокольного языка изложения, и МВД, убравшего излишне активную молодежь низших социальных слоев пригородов, сел и поселков в места заключения. В относительно благополучные бессобытийные 1970-е там побывал каждый пятый муж-

чина, что по некоторым подсчетам больше, чем число имеющих тюремный опыт в сталинские времена [Дерлугян 2010: 139]. В целом для большинства представителей этого поколения политическая жизнь — это скорее обязанность присутствия на комсомольских собраниях, выполнение поручений и постоянный контроль поведения со стороны старших с неизменным подходом, что «всякая инициатива наказуема». Отсюда уход в альтернативный мир спорта, клубов, книг, хобби, музыки или банального пьянства. Кто хотел, легко делал карьеру в комсомоле, профсоюзе или, став старше, в партии, для большинства политика — что-то тяжелое, важное и серьезное, от чего лучше держаться подальше.

Детство «миллениалов», напротив, принято описывать в жанре «лихих 90-х» с их комплексом проблем резкого расслоения относительно однородного советского общества, следствием которого для большей части населения стали ежедневные практики выживания. Обычно их родители работали на нескольких работах, отводили их в школу, где обнищавшие учителя пытались привычно нести «разумное, доброе вечное» или просто высиживали некоторые часы в классах. Привычная детская литература и кинематограф сменился культурными продуктами, которые в советские времена назывались буржуазным тиражированием культа насилия и жестокости. Ну и, конечно, некогда просто шкодливые улицы и дворы стали небезопасным местом рэкета, бандитизма, продажи наркотиков и т.д. Один мой ученик в школе как-то признался, что у него на протяжении учебы местные наркоманы отбирали деньги практически ежедневно в центре полумиллионного города. К 2000-м годам политическая, экономическая и социальная ситуация стабилизируется и появляется комплекс идеологических конструктов, самым значимым из которых становится «суверенная демократия», где идея построения нации «многонационального российского народа» увязывалась с образом опасного «другого», в качестве которого выступали западные державы и связанная с ними оппозиция. В это же время появляется риторика противостояния «врагам России» и лично Путина и готовность встать на его защиту в рядах «молодежного, демократического, антифашистского движения», которое и называется «Наши» [Яблоков 2020: 251]. Вообще недостатка в политических организациях, стремившихся охватить молодежь, с этого времени нет. Здесь добровольное участие дает материальные и карьерные преимущества, но учтем, что с этого времени начинается бум социальных сетей, сетевых дискуссий и появления новых жизненных, подчеркнuto

аполитичных культурных стилей («хипстеры»). Политика в этом случае скорее игра, в которой победители получают новые возможности.

Есть еще одно обстоятельство. В рамках теории городских режимов можно отметить определенный переход от власти держателей ресурсов (концепции Ф. Хантер, Дж. Логан, Х. Молоч) к власти политиков (Р. Даль). Если до этих выборов городской совет Новосибирска отражал интересы преимущественно представителей строительных и дорожных компаний, разбавленных бывшими спортсменами, бюджетниками и активистами политических партий, то сейчас стала отчетливо проявляться тенденция к участию в выборах кандидатов, способных «производить» политическую идентичность — организовывать электоральное поведение на основе коммуникации, конструировать высказывания, актуализирующие сильные чувства, рациональные интересы и «образы врагов». В принципе популизм (слово не содержит в данном случае негативной коннотации) — явление не новое, но сетевые технологии позволяют антиэлитарным лидерам как расширять свою аудиторию, так и снижать эффективность оппонентов за счет контроля и создания новых языков обращений и каналов коммуникации. Пока действующая власть отреагировала на появление несистемных политиков традиционным образом: стала игнорировать и блокировать вновь избранных оппозиционных кандидатов, не включать их в организационную и значимую жизнь представительного органа (не один из них не вошел в состав комитетов и комиссий). Тем не менее время, технологии и глобальная культура работают на «миллениалов».

Литература

Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. № 5. С. 58–103

Дерлугьян Г. Адепт Бурдые на Кавказе: эскизы к биографии в миросистемной перспективе. М.: Территория будущего, 2010. 465 с.

Дьякова Е. Г. Массовая политическая коммуникация в теории установления повестки дня: от эффекта к процессу // Полис. Политические исследования. 2003. № 3. С. 109–119.

Ледяев В. Г. Социология власти: теория и опыт эмпирического исследования власти в городских. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2012. 472 с.

Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С. 7–47.

Мангейм К. Человек и общество в эпоху преобразований // Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 412–562.

Пустовойт Ю.А. Протест в городах Сибири: опыт измерения факторов мобилизационной активности // Вестник Пермского университета. Политология. 2020. Т. 14, № 3. С. 122–130. DOI: 10.17072/2218-1067-2020-3-122-130.

Радаев В. Миллениалы. Как меняется российское общество. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 230 с.

Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.

Тилли Ч. От мобилизации к революции М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 432 с.

Хокшильд А. Управляемое сердце. Коммерциализация чувств. М.: Дело, 2019. 392 с.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М: Новое литературное обозрение, 2016. 664 с.

Яблоков И. Русская культура заговора: конспирологические теории на постсоветском пространстве. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. 400 с.

Источники

Выборы в Сибири. Победа независимых кандидатов // TAYGA.INFO. 03.09.2020. URL: <https://tauga.info/159304> (дата обращения: 14.11.2020).

Евгений Яковенко: в горсовет пробрался оппортунист и пятая колонна // Сибкрай. Ru. 16.09.2020. URL: <https://sibkray.ru/news/2126/938070/> (дата обращения: 14.11.2020).

За народную власть // КППФ Новосибирск. № 32. 20.08.2020. URL: https://kprfnsk.ru/upload/iblock/6d5/32_znv_cmuk.pdf (дата обращения: 14.11.2020).

Меморандум коалиции // Коалиция Новосибирск 2020. 14.11.2020. URL: <https://nsk2020.ru/files/memorandum.pdf> (дата обращения: 14.11.2020).

Программа ЛДПР. Совет депутатов г. Новосибирска // ЛДПР: Новосибирская область 14.11.2020. URL: <http://ldpr54.ru/programma-ldpr-br-sovet-deputatov-g-novosibirska-2020/> (дата обращения: 14.11.2020).

Связи с ОПС, рынки и «спрут»: портрет обвиненного в нарушениях на выборах вице-спикера горсовета Новосибирска // TAYGA.INFO. 16.09.2020. URL: <https://tauga.info/159416> (дата обращения: 14.11.2020).

Семь приоритетов развития: в Новосибирске приняли предвыборную программу партии «Единая Россия» // Ом1. 23.09.2020. URL: https://www.om1.ru/news/politic/203558-sem_prioritetov_razvitija_v_novosibirske_prinjali_predvybornuju_programmu_partii_edinojj_rossii/ (дата обращения: 14.11.2020).

Смотришь на город и бесишься: в Новосибирске КППФ — тоже партия власти, а вокруг штаба Навального сложилась мощная оппозиционная коалиция. Выборы здесь будут очень интересными // Meduza. 23.06.2020 URL: <https://meduza.io/feature/2020/07/23/smotrish-na-gorod-i-besishsya> (дата обращения: 14.11.2020).

“BOOMERS” AND “MILLENNIALS” IN THE MIRROR OF THE MOBILIZATION AGENDA OF SIBERIAN CITIES

Yu. Pustovoyt

(pustovoit1963@gmail.com)

Siberian Institute of Management — the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russia

Citation: Pustovoyt Yu. “Bumery” i “millenialy” v zerkale mobilizatsionnoy povestki sibirskikh gorodov [“Boomers” and “millennials” in the mirror of the mobilization agenda of Siberian cities]. *Vlast’ i elity* [Power and Elites], 2020, 7 (1): 163–182. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.6>

Abstract. *The author’s vision of the generational change process is considered. Based on the theoretical positions of K. Mannheim and V. Radaev, the material provides a categorical apparatus and the first results of a study aimed at testing the hypothesis of the existence of an intergenerational “break”. Based on a comparison of the election campaign, ways of promoting the ideas and statements of candidates for deputies of the City Council in Novosibirsk, representing various organizations and associations, a preliminary conclusion about the influence of the generational component on the electoral processes. Millennials who received political socialization in relatively economically prosperous years use less ideological rhetoric, work better with digital communication channels, articulate and convey strong emotions more accurately, which in general allows them to form new political communities and associations more effectively.*

Keywords: *Generations, boomers, millennials, cities, mobilization agenda, urban regime, identity, Siberia.*

References

Goldstone J. *K teorii revolyucii chetvertogo pokoleniya* [On the theory of the fourth-generation revolution], *Logos*, 2006, 5, pp. 58–103. (In Russian)

Derlugyan G. *Derlugyan G. Adept Burd’e na Kavkaze: jeskizy k biografii v mirosistemnoj perspective* [Adept Bourdieu in the Caucasus. Sketches for biography in the myrosystem perspective]. Moscow: Territory of the future, 2010. 465 p. (In Russian)

Dyakova E. *Massovaja politicheskaja kommunikacija v teorii ustanovlenija povestki dnja: ot efekta k processu* [Mass political communication in the theory of setting the agenda: from effect to process]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2003, 3, pp. 109–119. (In Russian)

Hokshild A. *Upravljajemoe serdce. Kommerzializacija chuvstv* [A controlled heart. Commercialization of feelings]. Moscow: Delo, 2019. 392 p. (In Russian)

Ledyaev V. *Sotsiologiya vlasti: teoriya i opyt empiricheskogo issledovaniya vlasti v gorodskikh soobshchestvakh* [Sociology of power: theory and experience of empirical research of power in urban communities]. Moscow: HSE, 2012. 472 p. (In Russian)

Mannheim K. Problema pokolenij [Generational problem]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. [New literary review], 1998, 2(30), pp. 7–47.

Mannheim K. Chelovek i obshhestvo v jepohu preobrazovanij [Man and society in an era of transformation]. *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of our time]. Moscow: Lawyer, 1994, pp. 412–562. (In Russian)

Pustovojt Ju.A. Protest v gorodah Sibiri: opyt izmerenija faktorov mobilizacionnoj aktivnosti [Protest in the cities of Siberia: experience in measuring factors of mobilization activity]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologija* [Bulletin of Perm University. Political Science], 2020, 14 (3), pp. 122–130. doi: 10.17072/2218-1067-2020-3-122-130. (In Russian)

Radaev V. *Millenialy. Kak menjaetsja rossijskoe obshhestvo* [Millennials. How Russian society is changing]. Moscow: HSE, 2019. 230 p. (In Russian)

Strauss A., Korbin Dzh. *Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaja teorija, procedury i tehniki* [Fundamentals of qualitative research: sound theory, procedures and techniques]. Moscow: Editorial URSS. 2001.256 p. (In Russian)

Tilli Ch. *Ot mobilizacii k revoljucii* [From mobilization to revolution]. Moscow: HSE, 2019. 432 p.

Yablokov I. *Russkaja kul'tura zagovora: konspiologicheskie teorii na postsovetskom prostranstve* [Russian conspiracy culture: Conspiracy theories in the post-Soviet space]. Moscow: Alpina Publisher, 2020. 400 p. (In Russian)

Yurchak A. *Jeto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever until it was over. The last Soviet generation]. Moscow: New Literary Review, 2016. 664 p. (In Russian)